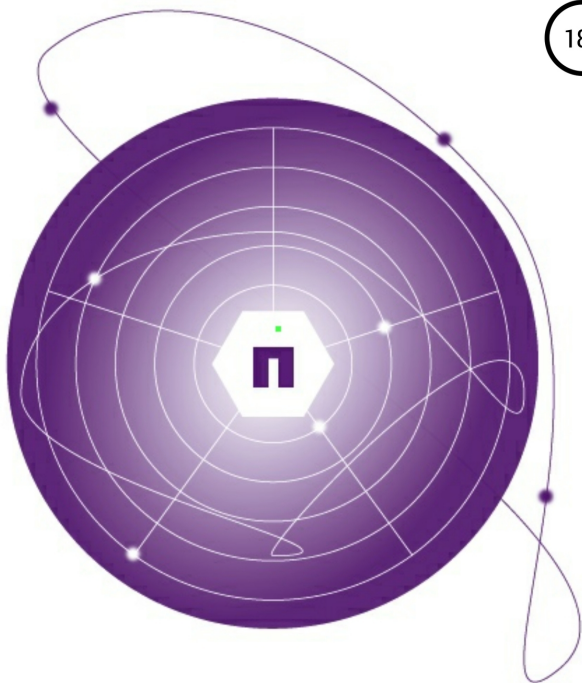


*Илья
Кнабенгоф*

18+



пр • ов одни • к

Илья Леонович Кнабенгоф

Проводник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56903200

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-04986-4

Аннотация

История обычного парня, к которому неожиданно приходят гости из другого мира с просьбой о помощи провести их через Землю, словно через мост. Они утверждают, что герой книги всегда это умел, долго этому учился ранее в иной реальности, и обещают восстановить ему память и навыки в обмен на исполнение их просьбы. Эта книга о том, что никто из нас не знает на самом деле, на что он способен, кем является внутри, и о том, что в жизни всегда есть место для чуда.

Содержание

От автора	5
22.03.20...г.	6
23.03.20...г.	17
25.03.20...г.	38
01.04.20...г.	42
Конец ознакомительного фрагмента.	50

«Откуда взяться тишине и волшебству, когда вокруг весна?! –

-логично мысля, говоря по существу, подумай-ка сама...»

Евгений Фёдоров (группа «Текиладжаззз»)

От автора

Эту книгу я дарю своим двум друзьям, один из которых собственным примером своей жизни не давал мне ни расслабиться ни отдохнуть, а второй – не давал мне оступиться, когда я слишком увлекался. Один уничтожал мою жалость к себе, у второго всегда находилось для меня мудрое слово. Воину и Мудрецу посвящается эта книга.

22.03.20...г.

Уши болели. Во рту стоял привкус крови. Оглушительный подавляющий гул растекался во все стороны, стремясь скрыться за горизонтом. Его высокое мерцание разваливалось, постепенно теряя целостность, и отдельные маленькие брызги звуков катились куда-то в высоту подобно... ну, этому самому... ну, этому... чему? Что-то знакомое было для него в этом звуке. Звон чего-то стеклянного, нет, медного по... по чему? Гул утекал вниз, в землю, теряя свою плотность, и вот уже он не был слышен ухом, а лишь отдавался во всём теле дрожью, которая всё замирала. Амплитуда колебаний резонанса спадала, и уже можно было попробовать вздохнуть. Он осторожно попытался приоткрыть глаза. Это было нелегко. Глаза как будто склеились и сильно болели. Влажным жаром жгло веки. Сквозь узкую щёлочку он увидел что-то рыже-коричневое, пятнистое, какие-то крупинки на жёлтом. Вот какая-то букашка пробежала по... – «стоп! ... листья... это – листья», – радость узнавания охватила его – «Значит я жив... И со мной более-менее всё в порядке...». В следующую секунду разум окончательно проснулся в нём.

– Э... а... собственно, где я?

В течение времени, пока он задал этот вопрос самому себе, мозг лихорадочно соображал, какое бы ему придумать правдоподобное объяснение данному состоянию и, соб-

ственно, как составить минимальный план, что делать дальше.

– Я лежу на земле... Ура! Это уже неплохо, падать, видимо, некуда. Так-так...

Осторожно приподняв голову, он огляделся. В воздухе присутствовали обычные звуки, чирикали птицы, шумел слегка ветер. Но тишина всего этого после... после чего?... была давящей. Стоящие вокруг деревья слегка двоились в глазах.

– Интересно, что это так бумкнуло?! – спросил он себя и радостно отметил, что чувство юмора ещё служит ему.

Удалось немного снять напряжение. Только теперь он почувствовал, как болят все мышцы. Он чувствовал, как дюйм за дюймом, очень медленно, железная хватка оставляла его руки и ноги, и они начинали слушаться.

– Ага... видимо, осень... листьев нет... снега только припорошило, видать, ночью...

Ещё не до конца понимая, холодно ему или тепло, он приподнялся на руках и сумел встать на четвереньки. Из кармана выпало что-то и закатилось в листья. Он пошарил рукой, попутно отметив, что она вся в крови, нащупал что-то твёрдое и поднёс к глазам. Резкость восстанавливалась скачками. Всё плыло вправо, как музыкальный фрагмент заевшей пластинки.

Это была фигурка, вырезанная из камня. Он машинально сунул её в карман куртки.

– Куртка! Я в куртке.

Только сейчас он понял, что неплохо бы осмотреть себя.

– Хм... интересно... чьи-то штаны – не мои... свитер полосатый – не мой... ботинки... ботинки мои! И куртка.

Куртка была не его, но что-то знакомое в ней было.

Он поднялся на ноги. Кругом одни деревья. Реденькая рощица уходила во все стороны. Всё тело было мокрым, но одежда оставалась сухой. Он ещё раз осмотрел руки. Они были какими-то влажными, маленькими, съёжившимися. Пальцы были в подсыхающей крови. На тыльной стороне ладони тоже была кровь. Кое-как очистив руки от липкой земли, он тщательно осмотрел себя на наличие ран. Их не было. Ни одной.

– Кровь не моя. Хм... странно...

Вдруг он услышал далеко за деревьями шум.

– Что это там... шоссе, что ли? Ну-ка, ну-ка...

И он медленно заковылял в направлении звука. Теперь уже более ясно он слышал нежный и журчащий звук проезжающих машин. Смертельная жуть пережитого покидала его, уходя постепенно в небытие, секунда за секундой...

– Неужто я так напился? – думал он, пробираясь через залежи высохших веток, – и как меня угораздило в это болото попасть? Хорошо, хоть не замёрз. Ведь утро уже... Возможно, утро. Светло то как...

Он глянул вверх, и среди деревьев увидел клочок ясного синего неба. Дальше было черно и серо. Темнота в небе

растекалась, убегая к краям, освобождая место голубой прозрачности.

– Гроза была, что ли? А я сухой... Нет, всё-таки, какого дьявола и какая скотина меня сюда затащила? И где эта самая скотина сейчас? И вообще, снег кругом ...Бред какой то... Вот я наакался так наакался..

Он на мгновение вдруг осознал, что не чувствует ни малейшего признака алкоголя во рту, но шок, всё ещё сотрясавший его, заставил забыть это маленькое несоответствие.

– Вот чёрт! Что я скажу на работе? Или сегодня выходной?

Он внезапно остановился. Ясность рассудка ударила его, как фотовспышка.

– А какой сегодня день-то? А месяц?

Далее он тут же понял, что вопрос, какой сейчас год, даже задавать не стоит. Он не знал.

– А кто я? Ми... Ни... что-то с «и»... потом «а»,... нет, «о»... Рюха! Почему «Рюха»? Аааа... Андрюха!

Память включилась. Двор, школа, учительница, открывающая классный журнал, её синие глаза, необычайно синие глаза... они так ему нравились...

– Ивченко! – голос хлётко ударил звоном изнутри в макушку, и он даже зажмурился.

Анна Андреевна. Ну да... Голос её забыть трудно. Насмешливая улыбка, сияющие синие глаза и длинные прямые светло-серые волосы. Для парней в классе это был удар ниже

пояса. У девчонок в классе шансы упали до нуля. А она стояла высокая, стройная, в обычном платье, без серёжек, цепочек, брошек и прочей ерунды, которую в изобилии надевали на себя учителя постарше, стояла около первой парты, опустив на неё свою руку, и держала другой рукой журнал.

– Ивченко!

– Андрей! – стукнуло изнутри. Память погасла, пропахав борозду в нужном направлении, и он пошёл собирать по этой канаве, что найдётся.

– Андрей, значит, Ивченко. Ну, как же, помню! – он даже улыбнулся, представив эту картину со стороны. Идёт парень по лесу, сам с собой разговаривает, в чужих штанах, и идёт незнамо куда неизвестно откуда.

– Здравс-с-сте, Андрей Владимирович. Это вы, что ж, школу свою изволили вспомнить? А, ну-ну... – он старался развить и поддержать в себе настроение юморить, так как чувствовал, что, того и гляди, наделает со страху в штаны. Шок прошёл, и нервы начинали давать о себе знать.

– Ну и что же с нами произошло? Дрались?

Во внезапной догадке он протянул руку к затылку, но никакой шишки, ни других следов удара он не обнаружил.

– Нет, мы люди мирные, – ответил он, успокоившись, хотя причин для этого было мало. Версии рушились одна за другой.

– Я не пьян. Не побит. Не обворован. Мало того, с чужими вещами, даже не простуженный, с руками в чужой крови, с

утра выхожу из леса... Чушь!

Оставалось надеяться на друзей. Может, они развяжут языки?

– Шоссе! – он вывалился, обрадовавшись, из последних сил на обочину. – Теперь уж не пропаду.

Стараясь держаться прямо на непослушных ногах, он вытянул руку, тормозя машину. Машин было не так мало, как, казалось бы, должно быть посреди леса. Три-четыре проехали мимо, обдав его вонью выхлопных газов, но сейчас эта вонь была ему милее любого аромата. Пятая или шестая свернула на обочину, чуть не сбив его с ног. Стекло опустилось.

– Ты откуда такой? – здоровый бородатый мужик с интересом рассматривал Андрея.

– Какой? – сделав якобы удивлённое лицо, спросил Андрей.

– Какой-какой... Ты на себя-то когда смотрел в зеркало в последний раз?

Зеркало!

Зеркало... зеркало... Что «зеркало»? – что-то быстро и неуловимо прошмыгнуло в голове и скрылось за углом, махнув длинным скользким хвостом.

– Ты чего, поганок наелся?

– Я?! – Андрея передёрнуло.

– А вообще-то, я теперь и сам не знаю – подумал он, – могли ведь и накормить втихоря, пошутить.

– Весь в грязи, в кровище...

– Где?

– Да на рожу свою погляди! – бородатый перекинул руку через дверцу и ткнул пальцем в зеркало заднего обзора. Андрей подошёл, нагнулся...

Нет!

Что «нет»? – отпрянул он.

– А-а... не хочешь смотреть! Хе-хе. Да, теперь тобой только детей пугать! Ну, садись, чего встал?

Андрей, потупившись, виновато полез в машину.

– На, утрись, – водитель сунул ему платок.

Андрей провёл платком по лицу и увидел, что кровь была и там, да ещё и в довольно приличном количестве.

– Вон, морду-то как раскрасили! – водитель подмигнул, и, вдавив педаль, резко сорвал машину с места.

Он ехал, покачиваясь в кожаном кресле «Волги», и растекающееся спокойствие и тепло убаюкивали его. Что же случилось? Конечно, в последнее время его жизнь была не очень спокойной. Вот, например, в среду...

– В какую среду? – он устало отметил, что хотя и помнит какие-то несвязные мелочи, совершенно отсутствует чёткая картинка последних прожитых месяцев.

– В среду... да... Я помню, пошёл в клуб с друзьями, с Максом и... этой, как её?... Катей? Леной? А, с Машей! Точно! Потом хохот, улица, такси, целовались в подъезде, цветы откуда-то, утро, разбитое зеркало... Зеркало!... Звонок

в дверь. Иду открывать и... – он зажмурил глаза от боли в висках, – ... рекламная пауза. Мда... Скушай «Твикс».

Дальше не шло. Когда была эта самая среда, он не помнил тоже. Вообще-то, друзья часто смеялись над его короткой памятью, но чтоб такое!... Такого не было. Точнее было, но об этом даже страшно было подумать.

Впереди показались первые дома города.

– «Озерки»! – удивился Андрей. – Вот леший занёс! Это меня точно Бог наказал! – он не заметил, что рассуждает вслух.

– Когда тебя Бог накажет, ты не в машине в уютном кресле будешь ехать, а дерьмо из ушей ногами выковыривать! – отозвался бородатый, увидев, что Андрей не спит.

– Наверно, – охотно согласился тот, чтобы предупредить возможные расширенные гипотезы на этот счёт. Это сработало, и водитель замолчал.

Остановились на автобусном кольце. Прощаясь с бородатым дядькой, он долго извинялся за причинённые неудобства и благодарил за помощь. Потом пожелав «удачи!», нетвёрдой походкой зашагал к входу в метро.

– Только б менты не докопались! – пробормотал он, опуская руку в карман, с радостью и облегчением нащупывая там какую-то мелочь.

Я часто думаю. По поводу и без повода. Мне так интересней. Вокруг меня ходят миллиарды людей и ни о чём та-

ком не думают. Ну, просто они заняты едой, сном, семьёй, любовницами, машинами, работой... Зачем им думать? Все их мысли вьются только вокруг количества и качества тех же самых машин, еды, сна, любовниц, работ... Я обижаюсь на Него. Часто. И потом жалею. И даже радуюсь, хотя и это считаю плохим в себе, что окружающие позволяют сохранять мне своё ноу-хау в данном, отведённом мне углу, где я могу сидеть, как мышь, затаившаяся за помойным ведром, и ждать, когда придёт моё время, и я смогу заняться своими делами. Чем? Да всем. Разными глупостями, как вы бы их назвали.

Я иду на улицу, и, садясь на ближайшую скамейку во дворе, слушаю тишину. Тишина прекрасна ночью, когда непоседливые потребители и обыватели спят, и видят свои потребительские и обывательские сны. Наверно, во сне им показывают ещё лучших мужей, жён, машины, дома... И они довольно повизгивают в своих кроватках, чтобы наутро погнаться дальше за своим эфемерным сновидением, как только оковы Хозяйки Снов спадут с их ног. Я смеюсь и радуюсь, когда вижу их. Ведь они счастливы, хоть и отрицают это, вечно ругая всё и всех вокруг себя. У них есть стимул. И пока они спят наяву с открытыми глазами, он не исчезнет, и будет, постоянно изменяясь, плясать перед ними как завлекающий паяц, как рекламный плакат «возьмите свой бесплатный приз!». Как груша, висящая на конце удочки перед ослом, который тянется к ней без конца и везёт

повозку, в которой и сидит тот, кто эту удочку держит.

Они счастливы как дети в своём забытьи. Как маленькие сварливые скандалящие дети. Капризные дети. Они прекрасны в своей наивности. В своей слепоте. Как котята, ползущие по полу и ищущие маму-кошку. Только котята ищут, а они – нет. Они говорят, что мамы-кошки не существует. И этим приводят меня в неопиcуемый восторг. В этом я вижу Его торжество. Они, называющие себя королями, ползают по этой огромной короне и не могут её найти! Понимаю, увлётся... Но ведь утро такое прекрасное, а они скоро пойдутся на улице. И я ловлю каждое мгновение тишины, я дарю его себе, я складываю его к себе внутрь, в сердце, в глаза, в лоб, в спину, в руки... Чтобы впитать это и жить этим до того момента, когда они снова позволят мне выйти из-за моего мусорного ведра. И тогда снова слушать песни собак, заблудившихся в огромном городе, стук капель, срывающихся с крыши на асфальт, смотреть фильмы об оранжевых фонарях, которые столько всего видели на этих дорогах. Можно подержать ладонь на стекле автобусной остановки и внезапно увидеть, как встречались и прощались здесь люди. Ругань садящихся в автобус бабушек будет шептать в ухо о том, что они прекрасны. Они так прекрасны в своём иллюзорном беге за счастьем. А счастье... Оно всегда здесь. Под ногами. Нагнись да возьми. Но они не могут. Ведь нужно бежать...бежать...

– Проклятье! – я хлопнул по будильнику, и он упал с

*табуретки на пол. – Опять вставать! Опять бежать...
Сколько можно?!*

23.03.20...г.

Вы что, уже подумали, что я какой-то особенный? Да нет! Я такой же болван, как и все. По крайней мере, говорю себе это часто. Доказать? Пожалуйста.

Родился, как все. Загугукал, как все. Детский садик. Школа. Первая любовь. Юность. Гитара. Институт. Бросил. Работа. Гитара. Чем не банальный ряд обычного неудачника и бездельника? Играю теперь на гитаре в кабаках. Где придётся. Где платят. И жизнь у меня спокойная, относительно, конечно. Бывает, вино... девчонки... Тридцать – разве возраст? Ну, побаловался пару раз более серьёзным, с кем не бывает? Но вчера...

Вчера я очнулся в лесу в пятидесяти километрах от города. Это что-то новое. Я всегда хвастался себе тем, что могу удержать себя в руках, когда другие валяются под стол, но ситуация говорила обратное. Либо я так надрался, что уехал хрен знает куда, либо меня чем-то накачали в ресторане. Дружки? Может быть. Среди музыкантов ведь немало людей, принимающих внутрь разные интересные соединения, это ведь ни для кого не секрет. Но то, что случилось, не походило ни на что, известное мне. Самое странное во всей этой истории то, что я уже с трудом вспоминаю, как ехал оттуда домой, не говоря уже о том, что я вообще не помню, как туда попал и что я делал последние две-три недели перед этим.

С большим трудом я выяснил, что среда, о которой я вспомнил в какой-то момент вчера, на самом деле закончилась четвергом почти месяц назад. Честно говоря, я испугался. Позвонил Макс. Говорю так вкрадчиво, спокойно, издалека: «Макс! А ты случаем не помнишь, как звали ту девчушку? Ну, помнишь, сидели в «Сити» недели три-четыре назад?» А он мне: «Совсем сдурел, брателло? Ты чего опять наглотался?» Тут я совсем со страху присел. Думаю, точно наркоты подсунули, и я что-то натворил.

– Ты ж её от себя не отпускал почти месяц!

Приехали! Здравствуй, Андрюша, – говорю я сам себе, – поздравляю тебя, ты – отец!

А Макс не унимается:

– Ты ж с ней как угорелый носился, всё визжал, какая она сногшибательная! Что? Посеял её, что ли?

– Э... в некотором роде.

– Осёл! Ха-ха. Меньше надо гадостей всяких в себя пихать. Ты ж знаешь, такие, как она, таких, как ты, на дух не переносят!

– Да ладно, ладно, – я успокоился и подумал – Значит, с девчушками кутил! Целый месяц! Ого! И как же она меня так закутила, что я ни хрена не помню?

– Ладно, брателла, я спешу. Не забудь позвонить Павлику, а то он уже вешается. Сколько можно работу прогуливать? Он твои справки скоро будет в рамки вешать вместо картин.

– Справки? – я совершенно естественно удивился, так как

никогда не болел, и собрался уже возмутиться, как вдруг...

– Стоп! А ведь это не в первый раз! – мысль, как иголка, пронзила голову и ушла по прямой вниз, в бетонные перекрытия шести этажей подо мной.

– Что, что? – начал, было, Макс, но я прервал его.

– Да, да, конечно. Извини. Больше не буду. – сморозил я. Короткие гудки. Пустота.

Значит, опять. Об этом страшно было думать. Я помню серые стены, разодранные тапки-шлёпанцы, укол с утра, укол вечером. И пустота... И страх. Тогда я имел неосторожность поделиться горем с ближними. В первый раз это была мать, во второй в стукачи записалась моя подружка. Значит, это случилось опять. Итого шесть потерянных месяцев жизни. Просто подарок для белых засаленных халатов. Но теперь я уже был тёртый калач. И, в конце концов, в этот раз я отделался всего месяцем. А это уже говорило о том, что я могу рассчитывать на полное избавление от моей напасти в очень скором времени. И никаких лекарств. Никаких слюней на пол. Никаких заблёванных унитафов. Я выдержу.

В первый раз было страшней всего. Последнее, что я помню тогда, это вагон и угрюмый проводник, забирающий мой билет. Я сел на поезд, уходящий на юг, в Анапу. Море, солнце... Подвернувшаяся халтура снабдила меня внезапно некоторыми финансами, а я уже тогда чувствовал, что если не отдохну, будет нервный срыв. Ну и... дело стало за малым. И вот я, перекинув рюкзак через плечо, с болтающимися на

шее тёмными очками, открываю дверь в купе и... бездна. Пустота с лохматыми краями. Как сейчас помню свою расплзающуюся улыбку, когда я взялся за ручку двери и приготовился сказать что-нибудь остроумное и смешное своим случайным попутчикам, таким же счастливчикам, как я. У меня даже осталось смутное ощущение, что какие-то двое там всё-таки сидели, но, возможно, я это сам себе потом придумал. По крайней мере, я очнулся через три месяца в десяти километрах от посёлка Кижы, лёжа ногами в ледяной воде. Я так и не смог себе объяснить, что я искал на лесном озере в северной карельской глуши, когда только что собирался ехать в направлении тёплого южного моря. Только позже выяснилось, что прошло уже достаточно времени, и чем именно я занимался всё это время – я понятия не имел.

Не думайте, я хоть и дурак, но уши у меня на месте, и о всяческих зомбированиях и гипнозе я наслушался. Ну, думал я, точно что-нибудь сделал эдакого. Наверно, убил кого, либо выкрал что-то. Потом думал: «Да нет... чушь всё это». Но ждал. Ждал, что вот сейчас раздастся звонок в дверь, войдут люди в форме и... всё выяснится. Нет, я не боялся наказания, я боялся неизвестности. Но никто не пришёл. И я сам пошёл к матери. А к кому ещё было идти? Вот тут я и потерял своего первого кумира. Звонок по телефону, вежливые вопросы, подпись какая-то на чём-то и... капельницы, капельницы, капельницы и... бездна... Пустота с лохматыми краями. Матери я больше не видел. Когда мои добрые мучите-

ли решили, что с меня хватит, по знаку невидимой, большой во всех отношениях, руки я был выпущен на свежий воздух прямо в пахнувший уходящим теплом парк без объяснений и без каких-либо наставлений. При расставании работники учреждения вели себя крайне вежливо, участливо, вкрадчиво улыбались и по-братски подталкивали в плечо к выходу.

– Всё? – не веря, спросил я.

– Всё! – улыбка, полная официального государственного участия, заслонила собой лицо, её производившее. Пласт-массовая вежливость в обрамлении помады и белая окантовка. Очень стильно, официально. Возможно, подойдёт к вашему офису?

Первый раз было страшно до чёртиков. Если кто из вас, дорогие читатели, хоть раз перенёс тяжёлую болезнь, надолго выбивающую вас из колеи жизни, особенно в годы школы или студенчества, то вы знаете ощущение, когда возвращаешься к прежним своим делам, разговорам, друзьям, и понимаешь, что всё это как-то неуловимо безвозвратно изменилось, хотя, вроде бы, осталось и тем же. Все на тебя как-то странно смотрят, недомолвки типа «а-а... так тебя ж не было...», «ну, да... у тебя ж было...» и смущённое молчание. Это смущённое молчание посреди недоговорённой фразы убивает как разрывная пуля. И ты начинаешь ценить бескомпромиссный цинизм, что нередко встречается у людей жестоких. И они тебе кажутся милей всего со своим откровением: «а-а-а... так ты же у нас (следует точный диагноз)?»

Ну, круто!» – И ты чувствуешь себя счастливым. Почему? Да потому, что этот невоспитанный наивный и, может быть, слегка глупый человечек попросту не испытал к тебе жалости, тем самым вернув тебя на одну планку с ним. Жалость убивает. Жалость к больному затаптывает его в липкую грязь собственного ничтожества, откуда редкой птице удаётся если не взлететь, то хотя бы выползти отдышаться, чтобы начать путь наверх, к своим. Испытывающий жалость – убийца. Я испытал это на себе как никто. Были вопросы. Были косые взгляды уже потерянных, но ещё пока не осознающих это, старых друзей. Потеря любви. Пусть странной, не очень долгой, но кому быть здесь судьёй? Полный разрыв с матерью. Её я больше не видел. Дальние знакомые, до которых «это» ещё не дошло, согласились мне помочь на первых порах. Дальше как все, кто начинает заново жизнь. Новая работа, аренда жилья, покупка кастрюлей и тарелок, неприятности с милицией при оформлении документов, внимательные глаза с оттенком страха, и вежливая, переходящая в издевательскую, улыбка. Я давно не улыбаюсь сам. Меня заставили.

Я удивлю вас. Друзья, точнее те, кто считает себя таковыми, считают меня очень весёлым и общительным человеком. У некоторых это даже вызывает абсолютно чёрную зависть, которая заискивающе подсматривает из уголков их глаз, пытаясь приметить секрет такой «неописуемой» популярности. Секрет, хм... Они его чувствуют, они знают, что он должен быть. Некоторым просто приятно общаться с человеком, у

которого «не всё в порядке с головой». Это интересно, даже несколько модно. Они ищут в тебе чего-то нового для себя, их жадность до непознанного гложет их. Они чувствуют это непознанное, они знают, что оно должно быть. Другие же видят твою отстранённость от внешнего, твою лёгкую ироничность, и ошибочно принимая её за мудрость, начинают искать в тебе возможного советчика, учителя. Они ждут от тебя причины. Они чувствуют её. Они знают, что она должна быть. И она есть. Они все правы в своих ожиданиях. Но они не готовы ни увидеть, ни понять, что все их ожидания – это всего лишь колышущаяся лохматая нить на краю бездонного колодца. И мне в сотый раз приходится улыбаться им всем, потому что я не хочу оскорбить их ожидания. Да и люди, которые всегда улыбаются, как выяснилось, не вызывают ни у кого подозрений. Улыбающийся человек создаёт впечатление полного порядка и спокойствия. Всё это, конечно, мне на руку. Я постарался, насколько мог, поменять круг знакомых, и это оказалось тяжело. Тогда я принял решение оставить институт, в котором в тот момент учился, и начал поиски работы. Думаю, вы уже понимаете, насколько это занятие было тернистым. Мне задавали столько разных интересных, глупых, а порой и грубых вопросов, что часто мои нервы не выдерживали раньше, чем я получал какой-либо ответ. Строгие роговые очки в отделах кадров фабрик и заводов сменялись пропитанными багровыми носами школьных завхозов, сухие рукопожатия автопарков – мокрыми шлепками ладоней

в столовых и прачечных. Вся эта череда лиц уже грозила совсем потерять численность и затеряться в звёздной недостижимой дали, как вдруг...

Больница. Да-да, именно те, что так постарались над моей судьбой, теперь сами брали меня в свои руки. Это было даже каким-то наваждением. На этот раз, огорошенный этим фактом (фактом того, что я вообще зашёл в это заведение), я сидел как истукан и практически не реагировал на вопросы в свой адрес. Уж не знаю, что там решила старшая медсестра, но я (о, чудо!) получил работу. Работу санитаря. Что ж, жаловаться было не на что. Видимо, моё угрюмое и замкнутое поведение было принято за чрезвычайную решимость и твёрдость, поэтому я не подвергался в дальнейшем ни каким-либо проверкам, ни особым наблюдениям. Больница, находившаяся на проспекте Солидарности, была не ближним светом от дома. Но время езды всегда можно было скрасить хорошей книгой, которую вечно не хватает времени прочесть. Или занять уши хорошей музыкой, которую дарил жужжащий друг плеер из-за пазухи, или подумать над собственными композициями и песнями, которые тогда уже всю писались.

Работа в больнице была отдельной историей, заслуживающей внимания. Она заставила меня многое пересмотреть по отношению к себе и другим, а также понять, что жизнь человека вообще есть вещь очень хрупкая и неопределённая. Такая она лёгкая, что её вообще можно считать не более чем

«случаем». Да-да, именно случаем. Так обычно говорил мой товарищ по работе Юра. «Там какому-то случаю с шестого понадобилось подштопать. Поехали, доставим к «дверям Господним». Юре было сорок, а может и пятьдесят. Большое количество алкоголя, принимаемого всю жизнь, иногда делает совершенно невозможным определение возраста. Несмотря на этот недостаток, он был жилист, хитёр, чрезвычайно здоров и главное добр. Хотя и циничен. Было в нём много от обычного русского деревенского мужика, которого вечно поучают коромыслами жёны, и от классического одесского вора, который в любой момент мог сказать: «Ну, типа, братки, мне пора, а вы как хотите».

Доставлять нам приходилось по-разному. Когда из «адского пламени» человека вывозили, а когда и на «последнюю экскурсию». Когда срочно в операционную бежали, (а бежишь ведь и знаешь, что сейчас и от твоей сноровки и умения тоже зависит многое), а когда можно было уже и не торопиться.

Одно понял точно. То, что было свалено рядами на столах в подвальных холодильниках, к людям имело самое далёкое отношение. Это отрезвляет и весьма неплохо. И добавляет юмору. Особенно, когда ещё не выработалась привычка, и нервы пошаливают изнутри, начинаешь во всех видеть эту «накинутую сверху оболочку», будущих возможных клиентов. И тогда ты со смехом наблюдаешь, как эти «костюмы» ходят по улицам, и как они лелеют эти свои «костюмы», под-

крашивая их, одевая их во всё более дорогие вещи, хвастаясь и гордясь друг перед другом этими самыми «костюмами». А некоторые доводят свой «костюм» до такого состояния, что прямо диву даёшься. Я понял главное для себя тогда: Я не могу быть просто этим куском биопластмассы, которую на себе таскаю. Я отказывался быть им и чувствовал, что поступаю правильно.

В больнице меня никто особо ни о чём не спрашивал, поэтому всё шло хорошо довольно долго. С игрой на гитаре тоже шло всё лучше и лучше. Песни писались сами собой. И я уже начал подумывать о том, чтобы перебраться с работой поближе к музыке, ну там... для начала, может, техником сцены или хотя бы гардеробщиком в кабаке, но тут... Меня накрыло во второй раз.

К тому времени прошло уже два с лишним года с момента моей так называемой болезни. Я лишь иногда в плохую погоду, либо при скверном настроении вспоминал серые стены «жёлтого дома». К тому же я почти наладил свою личную жизнь. У меня произошла история с одной замечательной девушкой, которая привезла ко мне на работу молодого человека, который был сильно избит и хромал. Пока его чистили, мыли, обеззараживали и зашивали, я стоял у дверей «травмы» на подхвате и молча пялился в стену напротив, чем необоснованно заинтересовал девушку, которая сидела тут же в коридоре на кушетке. Честно говоря, я и не думал напускать на себя крутой угрюмый вид. Я просто отключил-

ся и думал над проблемой смены работы, либо ещё над чем-то неприятным, когда вдруг заметил, что на меня вот уже десять минут в упор смотрит это существо. А существо, надо сказать, сразу показалось мне подозрительным, хотя опасений и не вызывало. И вы сейчас поймёте, почему.

Она была совершенно не под стать своему спутнику. Если он был снаружи явным «быкующим» элементом со всеми вытекающими атрибутами, такими как – стрижка «ёжиком», кожаная куртка на ватных плечах (при воспоминании о ватных плечах меня просто распирает от смеха) и соответствующий жаргон, то она была абсолютно эфемерным существом. Чёрные волосы, коротко подстриженные, открывали высокий лоб и немислимые светлые глаза. А в глазах этих были испуг, доверие и наивность. Ребёнок. Уж не помню, как завязался у нас разговор, но когда выяснилось, что этому эльфу всё же стукнуло за двадцать, я слегка успокоился. Потом, в конце разговора, она спросила, а можно ли сюда позвонить, если возникнут вопросы по пострадавшему. Я ей сказал: «Конечно». И тогда она предложила, что, мол, будет лучше, если она будет говорить, если что, через меня непосредственно. И я дал телефон поста, объяснив, когда я дежурю. Ну, а потом всё как в обычном польско-французском фильме. Цветы, кино, книги, «поздно ехать домой», ещё одна тарелка на полке. Она осталась у меня жить. Что ж, подумал я, это к лучшему. По крайней мере, есть кому помочь, если что. Да и Катя, как, оказалось, её зовут, не испытыва-

ла неприязни к домашней работе. У меня утром был чай и чистые носки, а вечером у меня было с кем поговорить. Это было хорошо. Пока не случилось «это».

Конечно, я ничего не мог ей доверить из случившегося со мной ранее. Поэтому, когда я в очередной раз был застукан самим собой, лёжа на краю песчаного обрыва, и понял, что «это» случилось опять, я сразу, как только стала восстанавливаться память, вспомнил о ней. Мне повезло на этот раз больше, чем в первый. Это было ближе, а точнее внизу под обрывом текла река Оредежь, и место, где я очнулся, называлось Вырицей. Соответственно мне нужно было преодолеть всего лишь какие-то 80-100 километров до дома, а не тащиться, как в прошлый раз, из Кижей через всю Карелию. И я абсолютно не понимал, каким образом там очутился. Спустя несколько недель стали возвращаться куски каких-то разговоров с Катей, какие-то звонки по телефону, всё очень смутно. Катя куда-то, по-моему, уходила, а потом... провал. Всё это я уже вспомнил, конечно, в своей родной больнице, куда меня, по словам врачей, Катя и сдала. А может это и хорошо? Я не сердился тогда. Понимал, что она из страха за меня это сделала. Тем более, когда она мне рассказала про последние два месяца моей жизни перед «отключкой», я совсем пал духом. Последние три недели она не видела меня вообще, а до этого творились такие вещи, что я сам засомневался в собственном рассудке. Она говорила, что я приносил домой какие-то камни и кричал, что нельзя их

трогать, пропадал по два-три дня, потом вдруг появлялся, чтобы в следующую секунду броситься к окну и вылезти через него на улицу по бельевой верёвке, чтобы опять пропасть на два дня. Когда она последний раз пришла меня навестить в больницу, я спросил её: «А что, камни всё так и лежат где-то дома?» Она сказала, что их больше нет, и куда они делись, она не знает. Возможно, я сам их куда спрятал, да забыл? «Дорогие были камни-то?» – спросил я. Она заплакала, взяла свою сумку и вышла из палаты, чтоб больше никогда не вернуться. В дверях она обернулась и произнесла: «Дурак! Это были... это были...», – она запнулась и всхлипнула, – «булыжники!...». Она убежала, и ещё с полминуты был слышен шорох её ботинок по полу в коридоре, пока она шла к выходным дверям. А может я всё это уже потом придумал?

Мда... Катя мне поведала совсем немного. Но тогда мне и этого хватило. Я всерьёз испугался за свою голову и с участием принял все лечения, коим меня подвергали мои белохалатные «братья и сёстры». Потом, правда, вспомнил кое-что. Помню, сидел за столом, читал что-то, Катя вроде собралась куда-то. Ну да, в магазин. Спросила, что купить к чаю, а мне и ни к чему было. Я ведь зелёный только пью и без всего. Так уж с детства повелось. Ну, я сижу за книгой, а она звенит ключами, выходит. Хлопает дверь. И вот тут меня что-то кольнуло. Я инстинктивно обернулся посмотреть на захлопнувшуюся дверь, как вдруг увидел... кого?... ну... ну кого? Нет, кто-то там был. И это была явно не Катя. Может,

их было двое?... Не помню дальше. Дальше только бездна. Глубокий гудящий колодец. Бездна с лохматыми краями...

Лифт. Лифт не работает. Хм. Странно. Сегодня же работал. И даже не гудит. Ладно, пойду пешком. Чёрт! Как в дверях-то сердце прихватило, аж дыханье спёрло. А вроде бы молодая я ещё для таких дел. Хм... На лестнице тихо. Ни души. И страх какой-то липкий навалился, отчего — не пойму! Ох, Слава Богу, кто-то навстречу поднимается, хоть поздороваюсь с человеком. Эх, не дошёл, где-то внизу на этаж зашёл... А на какой?! Там же и нет уж ничего? Ведь уже первый! А почему он тогда поднимался?! Вот проклятье, да что это я?! Надо на улицу быстрее. Вот сейчас дверь толкну и... Ой, какие котятки чёрные у двери сидят! Красавицы! Давай, поглажу тебя... Куда же ты? Стой, ну куда?... Ой... блин, нога, что ли, зацепилась? Шмякнулась-то я неплохо, аж дверь на улицу своей спиной открыла, хорошо хоть в снег выкатилась, а то могла бы и в грязь. Ну ладно, надо дойти до магазина и обратно. Что-то нервы у меня сегодня расшатались. А вороны-то вон как сидят, смеются надо мной. Вон две засели прямо у подъезда. Вижу-вижу. Ну и сидите себе... Ой, простите, я задумалась... хм... Ну, грубиян! Вообще, блин, странно. На улице ни души, а он прямо со мной столкнулся. А... собственно, куда он делся?... Что-то я до угла дома уже минут семь иду... Бред какой-то... И подташнивает... страшно чего-то... вроде как-

то всё не так... Ну не могу же я до угла идти полчаса? Тут всего-то шагов двадцать... вот, раз скамеечка, два скамеечка... блин, опять этот столб с сеткой... стоп! Я ведь его уже проходила... стоп!... Ой, нет... лучше не останавливаться!... Может я сплю?... Да какой там!... Может позвать кого?... Так ведь нет никого... Блин, Катька, спокойно... вон там за углом магазин... Три минуты ходьбы, и ты там... там люди... всё нормально... Просто я что-то не в себе... и голове что-то дурно... тошнит... опять эти котята... или другие?... Эй, котятки!... маленькие, пушистые, вы не знаете, как мне тут, дуре, до магазина дойти... Ой, извините, бабушка, я это... да-да, конечно... нет, всё в порядке, да я с котятами... Как с какими?... Ах, впрочем... ничего, я сама... спасибо... мне бы в магазин... Ах, я уже в нём? Спасибо, простите...

Реабилитация проходила лучше. Был опыт. Трамваи гремели своими подножками-подвесками, на улице распускались лица посеревших за зиму пенсионеров, а я мотался в поисках работы. Две «психушки» за плечами – это не самый лучший момент при рекламе своих качеств. Инспекторы на бирже труда произвели на меня неизгладимое впечатление. Я оказался посреди людей, которые с лёгкостью бросались помочь мне найти место работы, но чуть появлялись сложности, с той же лёгкостью разводили руками. Вообще, лёгкость была им присуща во всём, я это потом понял. Лёгкость

как средство жить. Аэрозоль. Спрыснуть вас слегка моей лёгкостью? Вот видите, как нам всем легко? Вам тоже сейчас полегчает! Не полегчало? Фи... следующий! Ещё я тогда же заметил, чем отличаются наши работницы официальных служб от их зарубежных коллег, ну, тех самых... официанток, агентов недвижимости, секретарш, инспекторов биржи труда, но в зарубежном кинематографе. Я понял эту разницу. У нас все эти работники официальных служб забывают, что они в первую очередь женщины. Вот я сидел и смотрел на это пластиковое пугало с закрученными белыми химическими кудряшками в сером пиджаке, как у моего дедушки. Только там, где у моего прародителя висели ордена и медали, у этого чучела висел большой белый значок с надписью «муниципалитет города Санкт-Петербурга», а выше – улыбка температуры нелётной зимней погоды. Ярко-красная помада, сразу выдающая в женщине неудовлетворённость естественных желаний, ещё больше оттеняла витиеватые дужки её очков.

– Хорошо. Мы ещё пошуршим пальчиками, – она (точнее «оно», наверно) улыбнулась своему удачному, как ей показалось, каламбуру. – Если что появится – сообщим.

Я хотел ответить на её «сообщим» традиционным Винни-Пуховским «Будь здорова», но сдержался, поймав это замечание «за хвост» уже на выходе изо рта.

Как всегда, помощь пришла с неожиданной стороны. Мои ковыряния в струнах были замечены старшим менеджером

«арт-ресторана», и все мои несчастья мгновенно были мной забыты. Я оказался в совершенно новой для себя обстановке, окружённый таинственными законами шоу-бизнеса, коктейлями с зонтиками и фруктами, голландскими и итальянскими матросами. Все ко мне относились как к почётному человеку. Никаких вопросов. Улыбчивые девчонки-официантки, бармены со свежими лицами – всё было вроде бы в порядке. Играть к тому же пришлось не попсу, хотя я и на это был уже готов, но блюз. Хороший старый блюз. Это было мне по душе. Да и состав у нас был замечательный. Барабанщик Витя, никогда не снимавший ни тяжёлых ботинок, ни берета, всегда настолько увлекался музыкой, что когда все уже заканчивали композицию, то он с удивлением на лице всех обводил взглядом, как бы говоря: «Что, уже всё?! А я только разошёлся».

Басист Стас меланхолично покачивался в углу. Означало это, что у него сегодня плохое настроение. Когда у него что-либо случалось (ломалась машина, ссорился со своей подружкой, или с похмела), он занимал позицию «игрального автомата» и оттуда тихонько бурчал. Но когда вдруг сияющее солнце удачи посещало его, блюз плавно переходил в истеричный рок-н-ролл и даже более. Стас нещадно дёргал струны и прыгал, словно хотел, чтобы и его гитара разделила с ним радость сегодняшнего дня.

Пел у нас Рома. Рома был чрезвычайно обаятельным человеком. Пел успешно на английском и испанском. Сам он

был парнем не особо общительным в жизни, но с клиентами ресторана всячески старался поддерживать контакт, разговаривая с ними между номерами. Часто он специально подготавливал заранее какие-то шутки и анекдоты, чтобы развеселить публику. Работу свою он знал великолепно, за что его чрезвычайно ценили.

Ещё в коллективе присутствовал скрипач Макс. Он всегда был как фокусник, напичкан разными шумелками, звякалками и прочими странными предметами перкуссии. Когда он не играл на скрипке, то в ход шёл весь его волшебный арсенал. Макс у нас был любимцем девчонок, как, впрочем, и все скрипачи, которых я знал когда либо.

Ну и я сидел на своём месте, справа от барабанщика, и мучил свой старый «Telecaster». Начальство за нами следило так себе, да и поводов особых мы не давали. Играли на совесть. Самим нравилось. Вообще-то, на работе не особо приветствовалось распитие спиртного, но бывало, что угощали клиенты ресторана, и тогда отказаться было нельзя. Обидеть клиента? Ни-ни. И вот тогда начиналось истинное веселье. В ход шло всё, что мы знали самого угарного. «Led Zeppelin» и «Who», «Motorhead» и «Dire Straits»... Улыбки у всех до ушей, клиенты на ура выдавали такого гопака, что даже хозяин иногда приходил посмотреть на это интернациональное представление.

Я быстро влился в коллектив. Сказался многолетний опыт игры по друзьям. «Джемовать» на кухне я давно привык, а

здесь было почти то же самое. Важно было с ходу подхватить. Если кто-либо подходил и просил что-нибудь сыграть, было позором не знать «пьесы», если, конечно, это было из нашей области.

– Братцы. Сыграйте «Guns'n'roses», ну эту... ну... про любовь! Ну, помните? Там невеста, церковь, пацаны...

Так было часто. Ну и, конечно, Рома многозначительно подмигивал, руку в колечко – о'кей! И с совершенно серьёзным видом подходил к нам и говорил: «Парни. Тут товарищ нахлобучил лишнего. Ему бы «хардец про любовь». Витя кивал, и, хохоча весь внутри, шептал: «Три... четыре...» И мы молотили по гитарам в соль-мажоре, чтоб погромче да пожёстче, а Ромка выдавал смесь «португальского с финским», то есть просто истерически орал полную абракадабру. Причём все строили решительные физиономии так, что весь зал трясся от смеха, и лишь несчастный пьяненький мужик, заказавший «тяжёлый романс», стоял на коленях на полу, простирая руки к небесам, а в частности к потолку, и подпевал счастливый на абсолютном серьёзе.

Казусов хватало тоже. Особенно в этом отношении везло нашему «дятлу» Вите. Он иногда умудрялся выполнять такие шоу-трюки, что Рома был вынужден конфузиться перед хохочущим залом, оборачиваясь посмотреть, что же произошло? Вите «везло». Встав посреди песни со стула, держа палочки вверх, он как то решил «по-модному» завести людей, и начал ритмично стучать ногой, чтобы все, хлопая

в ладоши, поддержали его. И как только они действительно захлопали, торжествующее выражение на его лице сменилось мгновенным испугом, и он плашмя упал назад, спиной в портьеры, которые висели там не первый год и поэтому тут же его накрыли под общее веселье. Конфуз.

– Увлёкся! Они ж захлопали! Ну, я подумал «э-эх, сейчас ка-а-а-ак року дадим!» Но, видать, сразу за всем не уследишь. Вот, равновесие потерял.

Или когда мы репетировали «торжественный» выход на сцену, он из пафосного зрелища сотворил комедийные пляски. Витя должен был первым из-за «кулис» (а в реале из-за портьер) выйти на сцену, сесть за барабаны и потихоньку начать наигрывать, чтобы мы потом к нему присоединились. И вот... Тишина. Ложки-вилки звякают... Витя с довольным лицом поправляет галстук на рубашке, оборачивается к нам с видом преуспевающего джазмена и со словами «Явление первое» делает шаг из-за портьеры, но... задевает носком ботинка оставленный кем-то шнур и на одной ноге пропрыгивает всю сцену поперёк и исчезает с другой стороны за портьерой. Понятно, что остановиться он не мог, ибо инерция падения влекла его драгоценный нос на стыковку с полом. Но сами понимаете, со стороны это выглядело, как попытка имитировать Чарли Чаплина в пятисекундной сценке. В общем, «аншлаг» был полный.

– «Витя, Витя»... *Надоел! Думает, ему всё можно. Мы*

тут пахали как Папа Карло. Что, Андрюха самый основной, что ли? Я тут, понимаешь, барабань как на плацу, а он отдыхать будет!?! Три с хреном недели не появлялся, а нарисовался с тихим скромным «извините». Ну-ну. Нет, я понимаю, у всех бывают проблемы, так хоть бы сказал, мол, парни, я пропаду тут на недельку-другую. Так хоть замену бы нашли. А то, вон, выкручивались тут, как хрен знает кто. Ботинки вот скоро совсем накроются, эх... Хорошие были! А он... эх... Куда прёшь?! Ты что, не видишь, красный? Совсем с ума посходили!

25.03.20...г.

– Ромыч! Одолжи денюжки чутец. Труба! Отработаю, ты ж знаешь.

Я пришёл к Ромке, так как знал, что парень он душевный и в средствах не особо стеснённый. Да и всё-таки родной человек почти, вместе всё-таки пашем.

– Сколько?

– Ну, пятьсот, что ли... хоть до зарплаты прожить.

– Ладно. Хотя киданул ты нас неплохо! Некрасиво, прямо скажем.

– Ну, прости. Я ж говорил тебе, так нужно было. Совсем мне худо стало. Видишь, и с Машей у меня ничего не склеилось...

– Да, знаю. А бегал-то с ней как угорелый! Тоже мне... Хорошо хоть письмо написал. А то я уж и в ментуру хотел заявить, что ты потерялся.

– Письмо?...

Бездна забвения вдруг глухо ухнула внутри меня, выплюнув на край маленький кусочек. Точно. Я писал. Помню. Но кому? Ромке??! Зачем? Противное липкое ощущение вязкости старалось затянуть в памяти эту картинку, но я не сдавался. Бумага в клеточку, ручка в руке и... вдруг в поле зрения появилась рука, тыкающая в бумагу сбоку, и откуда из-за плеча с замогильным юмором послышался смешок: «Сло-

во это пишется через «о», а не через «а». Или времена опять сместились?»

– Письмо?

– Ну, ты совсем! С памятью плохо? Слушай, а может, это не ты мне подослал письмецо-то, а?

– В смысле, подослал?

– Ну, пришёл ко мне человек, странный такой. То ли якут, то ли вьетнамец, не поймёшь. В очках тёмных. На дворе-то солнца уже неделю не было, а он в очках. Ну, думаю, наркот какой-то. А он мне с ходу напрямик: «Пришёл, – говорит, – чтоб весточку от Андрея Ивченко передать». Так и сказал – весточку. Я ещё удивился. Думаю, какой-то вьетнамский студент нанюханый, мать его, а по-русски, что твой барин. Ну и сунул конверт.

– Выбросил?

– Как же! Здесь где-то валяется. Очень уж я хотел как-нибудь тебе это показать через пару лет, чтоб почитал, какую ахинею ты нёс в молодости! Идиот ты, Андрюха! Впрочем... Бог тебе судья!

Ромка углубился в загадочные сумерки квартиры, и через некоторое время поскрипываний, шуршаний и возгласов «да где же, блин, оно?», вытащил на свет помятый конверт.

– На! Вынеси для себя что-нибудь из этого, и в следующий раз, когда решишь попрощаться с жизнью, или быстро делай это, не говоря никому, либо, что намного лучше, просто скажи себе: «А вот Рома решит, что я полный козёл!». Замечу,

так оно и будет. По крайней мере, что касается меня.

Я держал в руках послание из времени. Из времени, которое меня, мягко говоря, интересовало. Вот оно! Собственное свидетельство! Сейчас я сам себя обличу, как в хорошем голливудском детективе! Я осторожно вертел письмо в руках, как будто боялся, что оно сейчас исчезнет.

– Всё! На этом наши передачи заканчиваются. Спокойной ночи, р-р-р-ребята!

– Спокойной ночи, друзья! Гав-гав! – я рассмеялся, вспомнив наш прикол. – Спасибо, Ромка, за деньги! И по поводу письма я тоже серьёзно подумаю. Уж это я тебе обещаю (здесь моя улыбка приняла трагический оттенок).

– Вали! И не опаздывай на работу! – Ромка захлопнул дверь.

Истёртая бумага была невероятно запачкана, то ли странным посыльным (я мог, в конце концов, и бомжа послать какого-нибудь, с меня станется), то ли долго письмо добиралось до адресата. Я поддел край конверта и вытащил листок, обыкновенный листок в клеточку.

Привет, Ромик!

Боюсь, что обстоятельства могут сложиться так, что мы больше никогда не увидимся. Если вдруг я исчезну, прошу тебя сделать всё возможное, чтобы не началась паника. Хотя бы первые две-три недели. А там, сам знаешь, всё само собой утрясётся. Есть вещи, которые иногда случаются

в жизни, и их невозможно просто пережить. Поэтому прости и... сам не знаю, что написать... Прощай, наверно.

Твой музыкальный братан Андрей.

Ну и? Ещё одна загадка. Что же такое могло со мной произойти??! По-моему, я действительно собирался свести счёты с жизнью. Зачем? Бред. Ладно, надо успокоиться и продолжать жить. В конце концов, всё как-то само собой уладилось, ребята меня простили, и это главное. Жизнь продолжается! Йа-хха!

01.04.20...г.

Утро. Хорошее утро. Что значит час дня. И вообще, вставать в девять утра – это противоестественно! Поэтому я, сладко потянувшись, опустил босые ноги на пол с чувством выполненного долга перед собственным организмом. Поплескавшись в раковине и размазав пальцем по зубам пасту «Лесная», я выполз на кухню. Ополоснул пасть. И как только намазал себе сытный бутерброд с сыром, раздался телефонный звонок.

– Гу-гу, – говорю.

– Алё? – Фрол, мой старый приятель, засомневался в верном попадании на адресата.

– Ну, гу-гу. В смысле, алё.

– Андрюх, ты чего, ещё спишь?

Сонный голос, наверное, выдал меня с головой. Это не очень приятно, ведь есть на свете люди, которым сегодня пришлось встать рано, и я совсем не хотел становиться объектом их чёрной и необоснованной зависти.

– Что ты, дружище, я уже давно составил список подвигов на сегодня, но вот беда, задержался с осмыслением их выполнения. Боюсь, всё не потяну, – сквозь разжёванный бутерброд промямлил я.

– А как же футбол? – Фрол сразу же скис, но я его вернул в счастливое состояние в мгновение ока.

– Ну, так идём! У меня уже ноги чешутся дать как следует, этим засранцам!

– Ну вот, я уж думал, ты нас бросил!

– На кого вас бросишь?! Вы ж продуете сразу, как только выползете на поле.

– Ну-ну. Ты уж совсем плохо о нас думаешь. Тогда в два часа на углу, как всегда.

Положив трубку, я понял, что времени остаётся в обрез, и начал быстро собираться. Я одел старые затёртые серые шорты и серую майку. Не знаю, почему, но именно в них я себя чувствовал всегда уверенно и непобедимо. Наверно, из этих обстоятельств исходя, придумали футбольную форму определённых цветов. Как знать?... Наскоро подвязав кеды, я выскочил на улицу. Прошедший ночью дождь вымыл улицы и дома, и мир улыбался после душа усталой улыбкой. Было холодно, и я побежал, чтобы размяться и согреться, до угла Бумажной и Газа, где мы и должны были встретиться.

Фрол принёс вяленой рыбы и пива для «размягчения тела» после игры, как он выражался. Мы вступили в неравный бой за обладание мячом на поле брани и уже через полчаса вели в счёте 2:0. Парней из соседских дворов было, правда, на одного человека больше, но у нас было преимущество в бугае Мише, который один стоил троих, ну и у меня был маленький секрет. Всё дело в том, что я с детства был левшой, и хотя школа постаралась отучить меня от этого, (учителя заставляли писать на уроках правой рукой), толчковая нога (а

стало быть, и ударная) у меня оставалась левой. Что и служило фактором неожиданности и сбивания с толку, ведь «моясь» с противником, я всегда действовал левой, и неплохо бил с левого края, что остальным было несколько неудобно.

Последующие полтора часа решили исход битвы, и вот мы уже сидели, развалившись на сваленных рядом досках, и блаженно попивали прохладное пиво, обсыхая после изнурительной беготни. Домой идти не хотелось, и мы решили втроём с Фролом и Кешкой пойти в кафе, посидеть и вкусить чего-нибудь незатейливого. Взяв по салатiku, мы расслабленно выпускали пар. Вдруг Фрол с Кешкой стали озираться по сторонам и нервничать. На моё вопросительное удивление Фрол как-то заёрзал, переглянулся с Кешей и тихо сказал:

– Что-то как-то беспокойно мне.

– И мне, – поддержал его Кешка.

– Да в чём дело? – я совершенно не понимал столь резкой смены настроения.

– Слушай, веришь, не знаю.

– Может, нам что-нибудь подложили в еду? – предположил Кеша.

– Тебя что, торкнуло?! – я расхохотался.

– Что-то типа, – ответил Фрол. – Я, пожалуй, пойду на улицу, проветрюсь.

– Я с тобой, – поддакнул Кеша уж совсем как-то испуганно.

– Что-то вы, парни, совсем свихнулись! Со мной же ничего не случилось. Думаю, дело не в жратве, – я тоже начал беспокоиться, глядя на перепугавшихся друзей.

– Не, всё нормалёк, просто что-то душно стало, наверно, – Фрол поднялся и в сопровождении Кеши пошёл к выходу.

Я остался подождать конца этого загадочного происшествия и тут...

Случилось нечто странное. Там, где слева от барной стойки висели какие-то рекламные плакаты в рамках, у противоположной от меня стены, я заметил человека. Готов поклясться чем угодно, что его только что там не было! В кафе было мало народу, да и стенка просматривалась с моего места отлично. И в тот момент, когда я его увидел, что-то случилось со всем окружающим. Не то, чтобы всё поплыло, но воздух как-то дрогнул, и вдруг всё в моих глазах сместилось. Было такое впечатление, что всё вокруг подвинулось на какой-то миллиметр и даже непонятно куда, хотя всё и осталось по-прежнему. Уши сразу как-то заложило, и я, всё ещё находясь в лёгком шоке, увидел, как человек этот медленно проходит через кафе, направляясь прямиком на меня. И по мере его приближения моё чувство тревоги перерастало в реальный страх. Я не мог себе этого объяснить. Мозг лихорадочно искал выход из этой ситуации, чтобы как-то логически объяснить происходящее, но причины не находилось. Ужасное чувство беспомощности и слабости овладело мной. Такое бывает, когда сильно чего-то испугаешься. Сразу сла-

беют ноги, и по спине ползёт предательская испарина.

– Тише... тише... – человек небрежно подвинул стул и сел напротив меня за стол.

Он сложил два пальца правой руки, указательный и средний, дотронулся ими до губ, до лба и затем сделал неопределённый жест ими над головой. После этого он, сложив руки на столе, и оперевшись на них, молча на меня уставился.

Теперь я мог его разглядеть. Не знаю, сознательно или нет, но этим молчаливым созерцанием он дал мне несколько секунд собраться с мыслями и стряхнуть оцепенение.

Человек был средних лет. Знаете, бывают такие люди неопределённого возраста. Можно и тридцать дать, а можно и все пятьдесят. Огрубевшая выдубленная кожа, то ли от солнца и ветра, то ли от тяжёлой работы, с множеством шрамов. Волевой жёсткий подбородок и тонко сжатый рот. И глаза серо-голубого цвета. Впрочем, мне показалось, что они отливают сиреневым или даже фиолетовым. В общем, ковбой из американского кино, если бы не высокий лоб, выдающий незаурядный интеллект, и голова, остриженная почти наголо, с парой миллиметров волос, в которых без труда проглядывала седина.

– Ну, здравствуй, Локи! – он неожиданно доброжелательно ухмыльнулся.

Локи!... Локи!!!... Моя память что-то вытворяла со мной. Неотчётливое узнавание этого человека всё росло во мне. Нет, я не помнил его лица, но что-то очень далёкое рва-

лось изнутри меня. Потом какая-то картинка заслонила мою память: большие высокие чёрные двери, и кто-то входит в них, неся в руках что-то длинное, прозрачное... голос... «ты прошёл»... руке горячо...

– Тише, Локи, ты сейчас создашь нам большие проблемы, если будешь так трясти своей памятью! – голос человека был до жути знакомым.

– Ты кто? – решил я идти нагло в атаку, хотя страх всё ещё держал меня липкими пальцами.

– Это смотря откуда смотреть. С какой стороны прикажете? – осведомился он в ответ, явно забавляясь.

Я испуганно оглянулся, но никто даже и не подумал обратить внимание на внезапного гостя.

– Не морочь мне голову! – огрызнулся я, и уже спокойней «наехал», – что происходит?

– Ах, ты об этом! – незнакомец небрежно махнул рукой вокруг, – ну... считай, что мы немного отстали от них. Думаю, на секунду, не больше.

Вдруг я понял, что знаю это!

– Конечно, знаешь! – невозмутимо заметил гость. Затем он положил свою руку на мою, и пристально посмотрел на меня.

– Сейчас будет легче.

Напряжение спало, и страх мой вдруг сразу съёжился и стал совсем чем-то незначительным, хотя и не исчез.

– Вы кто? – повторил я уже более ровно.

– Клиент – просто ответил он, – старый друг, помощник...

Выбирай.

– Клиент подразумевает заказ, – заметил я.

– Безусловно. Кстати, разрешите представиться, если опять позабыл, – он усмехнулся, – полномочный представитель Серебряных Ветвей Её Величества Эххэнны, Лорд Правых Фиолетовых Пределов – Глиук. Для тебя здесь – Александр Александрович. Можно Сан Саныч.

Словосочетание «Серебряных Ветвей» вызвало у меня очередную болезненную вспышку в голове, а при имени его у меня вдруг возникло ощущение, что я сейчас упаду затылком об пол, потому как на мгновение я потерял чувство ориентации.

– Что-то ты, Локи, совсем ослабел.

– Извините, я что-то... – я даже не нашёл, что сказать, потому что тут же осознал, что всё, что со мной сейчас происходит, вызвано этим самым Сан Санычем, и он лучше меня знает, что именно я переживаю.

– А если я на помощь позову? – неожиданно для самого себя спросил я.

Громкий хохот был мне ответом. Надо заметить, что никто из посетителей не обратил на это внимания.

– Я и есть твоя помощь! – смеясь, ответил Сан Саныч, или... Глиук, хотя при каждом упоминании этого имени у меня живот скручивало. Тем временем он наклонился ко мне.

– Ну, в некотором смысле, это действительно так. Хотя и я пришёл к тебе за помощью. Вот уж не думал, что это когда-нибудь произойдёт снова. (Это «снова» я отметил). И именно с тобой. Системы – странная вещь, и иногда мне кажется, что они обладают своим чувством юмора.

– Система?

– Не всё сразу, а то я начинаю побаиваться за твою голову. – Глиук поднялся, – Я загляну к тебе попозже.

– Когда? – вырвалось у меня, и я тут же отметил у себя странное чувство, что с уходом этого человека я теряю нечто очень дорогое.

– В нужное время, – ответил он, не оборачиваясь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.